

ДѢТСТВО и ОТРОЧЕСТВО
Генрих Сире
ХУДОЖНИКА

В. В. ВЕРЕЩАГИНА

Томъ I.

Деревня. — Корпусъ. — Рисовальная школа.

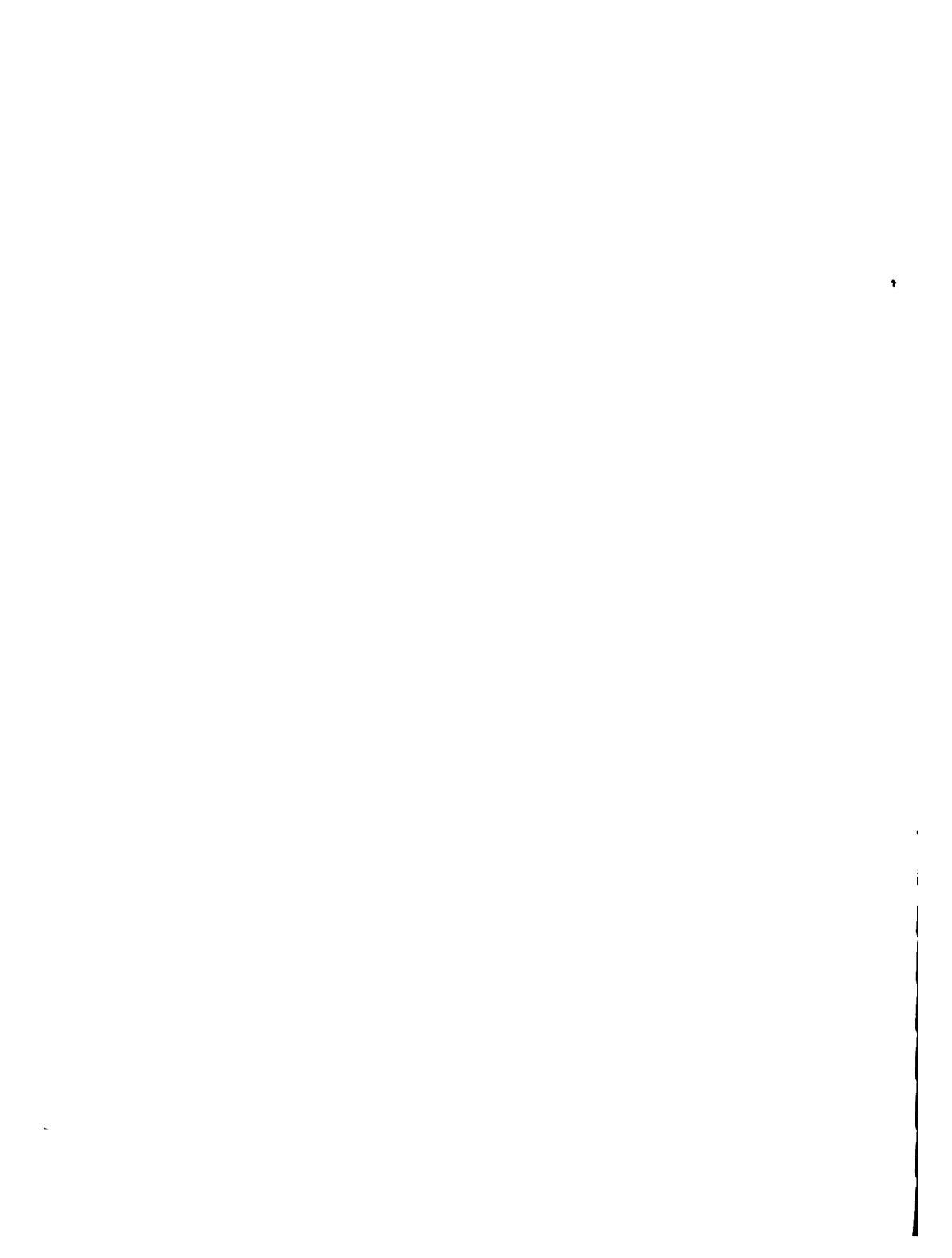
МОСКВА.

Типо-литографія Височайшій упр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и №⁰,
Німенопекая улица, соб. домъ.

1895.

*To my friend Georges Сим
W. van Staelen*

ДѢТСТВО и ОТРОЧЕСТВО

Москвa 25 Juи 12

ХУДОЖНИКА

В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

ТОМЪ I.

Деревня. — Корпусъ. — Рисовальная школа.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и №,
Пименовская улица, соб. домъ.

1895.

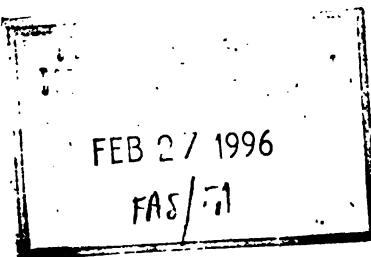
FA4175.1.7 (1)

37-33

Request of
Jeremiah Curtin
(I)

MURKIN MAR 24 1913

Jeremiah Curtin

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Воспоминанія, изложенные просто и правдиво, всегда болѣе или менѣе интересны и поучительны. Такъ какъ я старался и ётотъ разъ, какъ всегда, говорить только правду, то думаю, что замѣтки о видѣніи, слышанномъ и перечувствованномъ за время моихъ юныхъ годовъ прочтутся не безъ пользы и удовольствія.

Кое что я вѣроятно поперезабылъ, но съ умысломъ не скрылъ и не измѣнилъ ничего, выпустивши только то, что по принятымъ приличіямъ и цензурнымъ условіямъ не могло быть напечатано.

Смѣю думать, что слѣдующій томъ, составленіемъ котораго я теперь занятъ съ раз-

сказомъ о развитіи моей художественной
дѣятельности, путешествіяхъ, участіи въ
военныхъ кампаніяхъ и сношеніяхъ съ арти-
стическими кругами Европы и Америки,
представить еще болѣе матерьяла для исто-
ріи нашего времени и интереса для читателя.

В. Верещагинъ.

I.

ПОРА ДѢТСТВА.

Изъ впечатлѣній самыхъ первыхъ годовъ не осталось у меня ничего сознательного; говорили, что я всегда просилъ у няни: «папки-коксы!» папки—хлѣбъ; коксы—кости, гладить которыхъ я очень любилъ. Мнѣ рассказывали также, что очень маленькаго меня полушиута, полусерьезно мамаша иногда посѣкала и чтобы не оставалось во мнѣ сердитаго чувства, послѣ экзекуціи заставляла кричать: кукуреку!—въ горѣ, въ слезахъ, я исполнялъ приказаніе, но, къ счастію, совсѣмъ не помню обѣ этомъ.

Смутно у меня впечатлѣніе волковъ, попадающихся на дорогѣ, когда мы ѳдемъ въ усадьбу тетки, Ильмовикъ; яснѣе впечатлѣніе стука молотовъ о наковальнѣ въ длинномъ ряду кузницъ, по обрыву горы, на которой стоитъ наша усадьба—то наши крестьяне ковали гвозди для скунщика Головинскаго, поставлявшаго имъ желѣзо и отправлявшаго потомъ выработанные гвозди даже въ Англію, такъ какъ дешевизна рабочихъ рукъ зимою была тогда баснословною въ Рос-

сіи. Не ясно помнится постройка барокъ для сплава лѣса, также спускъ ихъ на воду съ молебствіемъ и угощеніемъ. Большая часть этихъ «тифинокъ», отправленныхъ съ грузомъ лѣса въ Рыбинскъ, затонула дорогою и отецъ, побившись, бросилъ эксплоатацию лѣса своими силами, стала продавать его на корню, что хотя было не выгодно, потому что цѣны давали ничтожные, да къ тому же вырубали всегда больше условленного, но было безъ риска и безъ грѣха съ крѣпостными лоцманами и барочными рабочими, вместо ожидаемыхъ барышей приносившими обыкновенно повинную батюшкѣ Василью Васильевичу въ томъ, что «барка разбилась и лѣсъ затонулъ», при этомъ валявшимися въ ногахъ, вымаливая прощеніе—кто ихъ знаетъ.—дѣйствительно ли заслуженное, такъ какъ стачки съ корыстной цѣлью были не только не невозможны, но и вѣроятны.

Тоже неясно помню скоры изъ-за меня няня съ первымъ гувернеромъ нашимъ Витмакомъ, Федоромъ Ивановичемъ, и даже съ мамашею, которымъ она не давала меня наказывать. Я былъ, какъ рассказывали, ребенокъ болѣзnenный, нервный. Почти всѣ мы страдали, такъ называвшейся у насъ золотухой, въ сущности мокрыми лишаями, отъ которыхъ лѣчили насъ декогтами, прикладываніемъ папоротника и другими домашними средствами; по милости комаровъ, впрочемъ, расчесываніе кожи дѣтьми было только натурально, а комаровъ было великое множество!

Довольно явственно воспоминаніе о цѣлыхъ шести

волкахъ, сидѣвшихъ въ полѣ, за нашимъ огородомъ; они четко отдѣлялись на бѣломъ снѣгу, и я первый увидѣлъ ихъ, чѣмъ потомъ гордился.

Въ памяти пріѣздъ гостей на именины и рожденіе папаши и мамаши, остававшихся по два и по три дня. Помню приготовленія къ этимъ днямъ духовиковъ и перинъ; помню жареные, печеные, карточные столы, обносы мочеными яблоками, вареньемъ; пѣніе мужчинъ, хоромъ, подъ аккомпанементъ гитаръ отца моего и помѣщика Хорѣева...

Вспоминаются и дамы—помѣщицы и чиновницы, ведущія бесѣду на диванахъ «въ каминной» и «гостиной». Тутъ впервые совершенно ясно выступаетъ передо мною моя собственная фугура: въ синей мериносовой, прошитой краснымъ шнуркомъ рубашечкѣ, съ такою же сумочкою для платка, черезъ правое плечо, въ бѣлыхъ коленкоровыхъ штанишкахъ, я иду здороваться съ гостями. Волосы мои гладко причесаны и сильно напомажены помадой—«Мусатова въ Москвѣ съ сыномъ», какъ гласилъ ярлычекъ на банкѣ,—панталоны накрахмалены и шумятъ.—«Няня, какъ хрустить!», говорю я старушкѣ, слѣдующей за мною или, вѣрѣ, за нами, потому что помню себя со старшемъ братомъ. Няня, тоже принаряженная и, безъ табака подъ носомъ, идетъ съ праздничнымъ выраженіемъ на лицѣ и ласково, низко кланяется барынямъ, называя всѣхъ по именамъ, съ прибавкой «матушка»—для тѣхъ, кто постарше.

Я шаркаю ногой, кланяюсь, меня цѣлуютъ, тре-

плють по щекѣ, называютъ милымъ мальчикомъ, говорять: «какъ онъ выросъ, совсѣмъ большой сдѣлался»...

Обученіе азбукѣ и цифрамъ почти не помнится, но послѣдующее уже яснѣе.

Хорошо помню себя, отвѣчающаго мамашѣ урокъ изъ географіи, заданный наизусть «отъ сихъ и до сихъ». Она сидитъ въ каминной на диванѣ у стола, а въ соседней комнатѣ, гостиной, папаша читаетъ газету. Я отвѣчую: «воздухъ есть тѣло супругое, вѣсомое, необходимое для жизни животныхъ и произрастанія разстеній»... «Какъ? повтори»— «Воздухъ есть тѣло супругое»... Мамаша смеется. «Василій Васильевичъ, говоритъ она отцу, поди-ка сюда».— «Что матушка?»— «Приди, послушай, какъ Вася урокъ отвѣчаетъ?» Отецъ входитъ съ газетой, грузно опускается на диванъ, переглядывается съ матерью,— вижу, что что-то неладно.— «Отвѣчай, батюшка».— «Воздухъ есть тѣло супругое»... Ха-ха-ха! смеются оба, а у меня слезы на глазахъ.— «Упругое», поправляетъ отецъ, но не объясняетъ, почему упругое, а не супругое, и какая разница между упругимъ и супругимъ.

Мнѣ было тогда пять шесть лѣтъ; читалъ и писалъ я уже бойко, считалъ тоже недурно. Время это было для настѣ междуцарствіемъ или, что почти то же самое, между-учительствомъ. Нашъ первый гувернеръ Витмакъ, Федоръ Ивановичъ, добрый, но вспыльчивый человѣкъ, разгорялся съ мамашей и вышелъ въ «отстав-

ку», отъ должности учителя; онъ уѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу въ курьерское отдѣленіе.

Его я почти не помню, знаю только по рассказамъ няни, что онъ былъ съ нею въ постоянной войнѣ изъ-за насть, въ особенности изъ-за меня, хилаго, болѣзненнаго ребенка.

Помню, какъ я изъ буфетной засматриваю въ залъ, гдѣ «новый учитель» Андрей Андреевичъ Штурмъ, изъ Киля, только что пріѣхавшій, разговариваетъ съ папашей и мамашей. Вижу, гладко причесанъ, высокій, серьезный и, должно быть, строгій, а вышло, что предобный, хотя и нѣмецъ, т. е. человѣкъ аккуратный и методичный. Познанія его заключались въ начальной ареометрикѣ и нѣмецкомъ языкѣ, чemu онъ и принялъ обучать насъ.

Закону Божьему, истории и географии училъ насъ, т. е. заставлялъ зубрить отъ строки до строки, Евсевій Степановичъ, сынъ нашего приходскаго священника, отца Степана, семинаристъ, окончившій курсъ и ожидавшій посвященія; онъ былъ хороший малый и занимался преимущественно съ моимъ старшимъ братомъ, Николаемъ, и кузиной Наташой Комаровской и съ сыномъ одной нашей знакомой, мамашиной пріятельницы, Крафковой. Я какъ маленький (на три года младше Николая) приходилъ вмѣстѣ съ другимъ сыномъ Крафковой въ ихъ комнату ненадолго: только получить урокъ и отвѣтить его, и какъ же учено казалось мнѣ засѣданіе учителя со старшими! Я входилъ къ нимъ всегда съ трепетомъ, тѣмъ бо-

лье, что и самъ Е. С. и ученики его непрочь были подшучивать надъ нами, малолѣтками.

Ничего не знаю ужаснѣе шутокъ и насмѣшекъ старшихъ надъ младшими; инѣ онѣ надолго западали въ душу и, всячески стараясь уяснить ихъ себѣ, я всегда приходилъ къ невыгодному для себя заключенію, находилъ насмѣшку заслуженою, что еще болѣе увеличивало мою природную робость и застѣнчивость.

Разъ, ровесникъ и тезка мой Вася, сынъ нашего огородника Ильи, заявилъ желаніе учиться; сказали объ этомъ Евсевію Степановичу и тотъ призвалъ Васю: «ты хочешь учится?»—«Да-сь».—«Ну, говори: я умень!—Я умень.—«Какъ попъ Семенъ!—Какъ попъ Семенъ.—«Перекрестись!»—Тотъ перекрестился. «Убирайся!»—мальчикъ ушелъ. Мы всѣ смыялись, но сквозь смѣхъ, мнѣ было неловко и жаль Васю.

* * *

Въ памяти моей объ этомъ времени самою выдающеюся, самою близкою и дорогою личностью осталась няня Анна, уже и тогда старенькая, которую я любилъ больше всего на свѣтѣ, больше отца, матери и братьевъ, несмотря на то, что носъ ея былъ всегда въ табакѣ. Не то чтобы она не сердилась и не бранилась; напротивъ, и ворчала, и бранила насъ частенько, но ея неудовольствіе всегда скоро проходило и никакихъ слѣдовъ не оставляло. Въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, напримѣръ—непослушанія, она грозила оставить насъ и уйти навсегда въ де-

ревно, и действительно иногда уходила, только не навсегда, а на часъ времени къ брату своему жившему, помню, на въездной улицѣ, въ крайней избѣ; но ужъ моему горю въ этихъ слuchаяхъ не было предыловъ: я бѣгалъ за нею, держась за ея платье, до самой деревни, считалъ себя погибшимъ, плакалъ до боли, умолялъ воротиться и успокоивался не раньше, какъ услышавши ея слова : «ну, ступай, батюшка, ужо приду, да смотри, въ другой разъ не ворочусь!» И всегда бывало принесеть, возвратясь отъ своихъ, топленаго молока или чего-нибудь подобнаго—на заѣшку слезъ.

Няня всѣхъ насъ любила и всѣ мы любили ёе, но я, кажется, былъ ея любимцемъ, можетъ быть потому, что маленький былъ очень слабъ здоровьемъ. Съ своей стороны, я любилъ ее такъ, что ужъ, кажется, привязанность не можетъ идти далѣе.

Она сознавала пользу ученья и всегда намъ объ этомъ толковала, но къ примѣненію его относилась довольно враждебно и урывала насъ изъ рукъ учителя и гувернера при каждомъ удобномъ случаѣ; да не только она съ ними схватывалась, но и мама пѣ нашей иногда позволяла себѣ перечить, когда дѣло (!) шло о больномъ «робенкѣ».

Все наше свободное время мы проводили съ нянею, и прогулки съ нею, напр., въ лѣсъ, за ягодами и грибами, которые я ужасно любилъ, остались до сихъ поръ однимъ изъ самыхъ милыхъ и дорогихъ воспоминаний.

Звали няню Анна Ларіоновна, по фамилії Потай-
кина; фамилію ея я узналъ уже позже, и она всегда
звучала мнѣ чуждо; мы знали ее только, какъ «няню
Анну», а кто она такая, откуда,—никогда не доис-
кивались.

Много позже я узналъ, что, рано овдовѣвъ, она
была взята во дворъ бабушкою Натальею Алексѣв-
ною, которой и служила въ Питерѣ, а потомъ дос-
талаась папашѣ. Еще будучи очень молодою, она едва
не испытала на себѣ ласки тогдашняго владѣтеля,
брата бабушки, Петра Алексѣевича Башмакова, ко-
торый, бывало, высмотрѣвши на работахъ дѣвку, при-
казывалъ обыкновенно старостѣ «прислать ее туда-то».
На этотъ разъ онъ велѣлъ: «послать Аньотку изъ
одной деревни въ другую», а самъ ждалъ у дорожки,
на наволокѣ; староста, жалѣя Аньотку, шепнулъ ей,
чтобы она шла другою дорогой, лѣсомъ, и дѣдушка
на этотъ разъ остался ни съ чѣмъ, только напрасно
прождалъ, даже и разсердиться было не на что, такъ
какъ приказаніе его было исполнено, и Аньотка бѣ-
гала въ другую деревню. Послѣ этого дѣдушка, од-
нако, еще разъ попробовалъ познакомиться съ нею
 поближе, подошелъ было какъ-то на работѣ, но она
такъ перепугалась, что бросилась бѣжать со всѣхъ
ногъ, чѣмъ заслужила отъ него названіе «дурь», но за
то-же и освободилась отъ его искательствъ.—Впо-
слѣдствіи Петръ Алексѣевичъ былъ убить крестьянами
именно за волокитство.

Анна Ларіоновна вышла замужъ, потомъ овдовѣла

и попала въ услуженіе къ бабушкѣ, когда къ той перешли имѣнія Башмакова. Всего, кажется, пришлось натерпѣться ей—и браши, и колотушекъ, особенно когда бабушка проигрывала въ карты, а играла она постоянно, «за того ужъ когда она была въ выигрышѣ, рассказывала няня, я и видѣла сейчасъ: и ручку даетъ подѣловать и гравенничекъ сунеть: на, Аньютка, дура, тебѣ бѣдной вѣдь некому подарить!»....

Кромѣ няни Анны была еще у насъ няня Татьяна, ходившая за моими старшими братьями и сестрами,—изъ нихъ остался въ живыхъ только одинъ братъ Николай,—но она была ужъ очень стара, больше за нами почти не присматривала и только съ титуломъ пяни доживала на покоѣ. Помню ее, сидѣвшую около окна, въ маленькой дѣтской, въ большихъ круглыхъ очкахъ, или что нибудь штопающую, или въ одеждѣ прародительницы Евы чего-то ищащую въ своей рубашкѣ... Эти послѣднія безцеремонности, впрочемъ, мамаша очень не любила и старушкѣ разъ досталось за нихъ.

Нашъ старшій слуга Игнатій былъ невысокій статичокъ съ большими шишками на головѣ. Онъ портняжничалъ на столѣ, въ лакейской, гдѣ и сидѣлъ всегда поджавши ноги, служилъ за столомъ, а прежде былъ и выѣзднымъ лакеемъ. Я помню его уже лѣтъ 60-65-ти угрюмаго и лишь временами балагура, но въ молодости онъ былъ преразбитной малый. Когда бабушка Наталья Алексѣевна съ моимъ отцомъ, дя-